

ПРИШЕЛЕЦ
ВОСПОМИНАНИЯ

Менабде М. (Тбилиси—Берлин—Москва)

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
1980 ГОД, МОСКВА

Сижу, склонившись над белой бумагой, и не знаю, с чего начать... Хочется коротко, но времени мало.

Я заметила, что яркие моменты в жизни часто происходят просто, обыденно, иногда спонтанно...

Такой же спонтанной на первый взгляд и случайной была встреча с Мерабом. Хотя я фаталист и в случайность не верю. Проснувшись утром, я позвонила Наташе Рязанцевой просто поговорить о жизни, о том о сем... «При-хо-дите. Я на-кор-млю Вас вку-сным супом», — произнесла она своим низким, невозмутимым и тягучим голосом. Суп — как много в этом слове! Это жизнь, это моя любовь! Не знаю, на что я способна ради тарелки супа. Одним словом, я заядлый супист. За «вкусным супом» поехала бы не только на Звездный бульвар.

За столом уже сидели гости и ели «вкусный суп», а в кресле сидел еще один человек средних лет, в толстых очках, крепкого телосложения, и спокойно, умиротворенно покурил трубку, чуть наклонив голову набок. Наташа, познакомив меня с гостями, а потом, повернувшись к креслу, где сидел человек с трубкой, еще более приглушенно, в своей манере, растягивая слова, сказала: «По-зна-ко-мье-сь, это Ме-раб Ма-ма-рда-шви-ли». Я еще раз окинула взглядом сидящего в кресле грузина. Он мне совершенно не был знаком. Я понятия не имела, кто он, чем он занимается и как он оказался тут... И вдруг, без предупреждения, какая-то сильная волна, исходящая от этого человека, ударила меня и отрезвила. Что-то перевернулось в глубине души. И я невольно подтянулась... Он сильно отличался от сидящих там гостей и несидящих тоже, несмотря на то, что у него тоже были — руки, ноги, голова, глаза... Он явно был пришелец. Меня сразу же привлекла форма его головы и взгляд, который даже сквозь толстые стекла пробивался и сообщал миру о чем-то совсем ином, другом.

Мне кажется, в лице человека очень важны глаза. В глазах концентрируется все, что накопилось в его душе и уме. От этого и взгляд бывает — пустым или наполненным, глубоким или поверхностным, задумчивым или безразличным, циничным, лукавым или сочувственным, с болью, мудрым или глупым, блуждающим или прямым.

Таковыми глубокими, задумчивыми, сочувствующими, мудрыми и прямыми были глаза пришельца. В них будто собралась вся накопленная человечеством мудрость.

Взгляд у него был внимательный, глубокий и необычно спокойный. Не потому, что пришелец сидел в кресле, которое вообще располагает к расслаблению, нет. Наоборот, он предельно был собран, внимателен к окружающему, но при этом от него веяло свободой! Эта свобода была иная, совсем другая, доселе для меня незнакомая. Позже я поняла цену этой свободе. Эта свобода требовала от него каждодневной отваги. После смерти Мераба мне попадетсся его книга «Лекции по античной философии», где я прочту: «...человеком будет то, что отложится из бытия».

«...Бытие есть актуальная полнота и жизнь того, что возможно: реальность или *существующее* в его полноте, скажем, человек в его полноте». Он приводит мысль Платона: «Свободный человек не делает ошибок», а также аристотелевскую мысль: «В области неделимого нет лжи и заблуждения». И далее он объясняет, в чем заключается смысл бытия: «Бодрствующее вертикальное состояние, в котором есть собранность, а собранность и есть Бытие». А по поводу ума он говорит коротко и четко: «Для того чтобы был ум, нужно очень постараться».

В тот вечер мне показалось, что пришелец изучает, как едят суп. Много лет спустя, вспоминая Мераба, я обнаружила одну интересную вещь: ни разу не видела, как он ест. Несмотря на то что он был гурманом. Никогда не видела на нем шикарные костюмы и туфли, хоть он и одевался стильно, всегда был холемым. Как всякому грузину, для него тоже было важно, как он выглядит. При мне он всегда был задумчивым и немногословным наблюдателем. Конечно, мы не каждый день были вместе, но тем не менее это факт! Кругом все жевали, а он курил трубку и, наблюдая, думал о своем. Пищей для него был окружающий мир... Он рассматривал все до мелочей: людей, предметы, небо, звезды, луну и солнце. Я бы в этот вечер смотрела бы и смотре-

ла на него, но было бы неприлично весь вечер разглядывать человека. Неважно, кто он — поэт, мыслитель, музыкант. Это был мой человек. Тогда чувство собственности и у меня было развито сильно. А потом, со временем, я научилась любить тихо, на расстоянии, и для меня стало не так важно, любит меня кто-то или нет. Для меня главное любить самой.

Все ели «вкусный суп»... все было обыденно и просто — на улице стоял октябрь 80-го года, пили вино. Пришелец, наблюдая, иногда присоединялся к нам. Мои супистические страсти отошли на задний план. Интуиция подсказывала, что в моей жизни произошло нечто значительное! За весь вечер он проронил всего две-три фразы. Голос был низкий, бархатный. Я словно в плед заворачивалась в этих обертонах, и мне становилось уютно. Его молчание было больше чем красноречивые беседы окружающих. И это тоже сразу подкупило меня. И я увидела разницу между пустым и наполненным молчанием.

Позже, только когда Мераба не стало, я поняла, что смерти нет. Потому что он продолжал меня учить. Он подсказывал многие вещи. Он спасал меня от неверного шага. Он учил меня мыслить. Он научил меня не давить на собеседника своим преимуществом и уметь выслушать до конца даже самую большую чушь. Благодаря ему я поняла, что подвиг можно совершить, только встретившись с самим собой.

Я по-прежнему старалась боковым зрением рассмотреть Пришельца.

Меня бы, наверное, не удивило, если бы нашего молчаливого собеседника я застала в безмолвии сидящим в том же кресле несколько лет спустя, как Сократа застал его ученик.

Когда я вспоминаю Мераба, во мне начинает звучать его голос.

Голоса бывают строгие и непроницаемые, грустные и гнусавые, хриплые и безнадежные. Осторожные и деловые, озабоченные, гордые, доверчивые, страстные, полные любви и печали. Есть недовольные и жалобные голоса...

Все в этой жизни заработать надо. И голос тоже...

Так началось мое знакомство с Мерабом Мамардашвили.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА 1984 ГОД, МОСКВА

Вторая встреча с Мерабом произошла в ЦДРИ на юбилейном вечере моей бабушки Тамары Александровны Ишхнели. Его на этот концерт привела моя подруга Тамара Дуларидзе, которая после смерти Мераба одной из первых снимет документальную картину о нем.

Эта встреча была короткая. И все эпитеты, сказанные Мерабом по моему адресу, Тамара передала мне позже.

Потом Мераб то там то сям возникал самостоятельно на моих концертах. Один раз мы случайно встретились на огромной выставке Марка Шагала в Пушкинском музее. Помню свое ощущение радости. Я была горда от причастности тому, что радует душу и воображение Мераба! Я то же самое уловила в его взгляде.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА 1985 ГОД, МОСКВА

Приехав в Москву с концертами, я останавливаюсь у Лены и Юрия Сенокосовых. Там проживает Мераб, несмотря на то что у него в коммуналке на Донской улице имеется комната. Юрий и Лена заняты обменом этой комнаты, помогая Мерабу приобрести отдельную квартиру. Мераб любит надолго застревать в этом гостеприимном и чудесном во всех отношениях доме.

Живем мы дружно и наполненно — устраиваем вечера, ходим в гости, кино, я устраиваю домашние концерты. Наконец, в этом году выходит уже давно снятая кинолента Элема Климова «Агония», и мы все дружно идем смотреть фильм. Возвращаясь домой, бурно обсуждаем фильм до мелочей. Почему-то от фильма у всех остается какое-то двоякое ощущение. Даже Петренко, сыгравший Распутина мощно и очень достоверно, вызывает у меня отторжение. Может быть, это и есть цель режиссера.

По утрам хозяева кормят вкусным завтраком. А Мераб привычно сидит в углу и, чуть улыбаясь, смотрит снизу вверх через толстые линзы очков, скрестив крепкие, мускулистые руки на груди, поддерживая дымящую трубку большими мужскими добрыми пальцами. «Наверное, у Философов все по-другому?!» — думаю я, выпивая свой утренний кофе, заедая его бу-

лочками с вареньем, сливочным маслом и сыром. И как можно более нежно улыбаюсь в ответ философу, но я не уверена, смотрит ли он на меня или думает о своем. То, что я вижу, меня поражает. Мераб стойко не завтракает, не обедает, не ужинает. Может быть, это я завтракаю, обедаю и ужинаю в другое время суток?! Да... философы непростой народ. «...Философия требует отваги», — говорил он. Со временем убедилась, что это сущая правда. Сытому человеку трудно удержать мысль. Думаю, отваги требует всё! Но мы боимся проявить ее.

Во время и после завтрака мы обсуждаем всё: мою программу, быт, который так гнетет нас, литературу, фильмы... всё, всё, всё... Рассказываем анекдоты. Приходят гости, мы ездим к друзьям за город... Бывает, Мераб уединяется, оставаясь со своими мыслями наедине. На первый взгляд все так беспечно и беззаботно. А прямо под нашими окнами днем и ночью стоит «Волга», и гэбэшные молодчики пасут нас. Мы все понимаем, но делаем вид, что это нас не касается.

Тем временем я готовлюсь к сольному концерту в пресловутом ЦДРИ. Но моя двенадцатиструнная гитара, которую я прозвала «Тартиллоу», вместе со мной попала в аварию, и бок ее треснул. Как могла, лечила ее, но... Купить новую нужно было где-то за кордоном. Самое лучшее, что можно было достать в СССР, — это была чешская гитара. Почти каждый день Юрий, Лена, Мераб и Наташа обсуждают разные варианты, ищут способы раздобыть новую гитару. Мераб ломает свою сократовскую голову, но, увы, все — невыездные. Наконец-то план созрел. Решают на концерт пригласить знакомого Юрия и Лены — Джорджа Эдгара, английского посла в Москве. Он работал в МИД Великобритании, затем перебрался в Москву и проработал тут с 1984 по 1986 год.

По мнению всех, я несомненно покорю своим пением молодого британца. Мераб уверен, британец с радостью привезет из Англии гитару, причем в подарок! Я считаю, что это грузинская самоуверенность. Но при этом все готовы скинуться. Мераб как в воду глядел, Джордж из Англии привез мне двенадцатиструнную гитару «Takamine» в подарок! Все ликовали, но я пока ничего не знала, т. к. была на гастролях на Дальнем Востоке...

По какой-то причине Юрий и Лена отсутствовали, и Мераб взял на себя миссию посредника. Он встретил английского посла в аэропорту. Вообразить даже трудно, какое это было зрели-

ще, когда философ, которого нарекли Сократом двадцатого века, шагал с гитарным кейсом в руках через всю Москву...

Приехав с гастролей, я поехала к Мерабу получать бесценный груз в его коммунальную квартиру на Донской улице. Соседняя комната была пуста, т. к. сосед, вор Женька, отбывал срок. Потом, как я помню, поселили вместо Женьки какого-то военного подполковника или майора-дятла, т. е. стукача. Это его разоблачила старушка-соседка, которая якобы должна была докладывать, кто приходит к Мерабу и кто уходит и т. п. «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу...» — эти слова Хармса так точно отражают нашу действительность.

Мераб радостно встретил меня, пригласив в довольно светлую и немаленькую комнату. Сам на некоторое время куда-то исчез. Не то по телефону поговорить с кем-то, не то на кухню варить кофе... Я робко начала осматривать комнату. Интересно было, как живет философ-одиночка. Помню, мое воображение поразили трубки разного размера, которые как яблоки грудой лежали в огромной пепельнице. Мне не терпелось узнать, зачем философу столько трубок. Когда не знаешь, то предмет кажется сложным, а когда объяснят, предмет сразу становится легким и прозрачным. Оказалось, все очень просто. У настоящего курильщика трубок должно быть минимум три, а максимум двенадцать, а то и больше. Потому что после того, как курильщик за день употребил одну трубку, то ей надо дать отдохнуть дня три и заменить другой трубкой, потом, употребив эту, заменить ее следующей, и т. д. Мне так это тогда понравилось и, естественно, столь нравился Мераб, что я решила начать тоже курить трубку. (Я осуществила свою мечту, но вскоре бросила курить совсем.)

Когда я наконец-то укрепила свои знания о трубках, Мераб перешел ко второй, немаловажной части нашей встречи — он из шкафа достал желанный для меня инструмент. Гитара лежала в роскошном черном футляре. О Боже, у футляра были ключи! В общем, полный восторг, мечта поэта! Мы стали рассматривать гитару... Мераб даже попробовал взять несколько аккордов. Меня сразу же потряс звук гитары: такого звука не было ни у одной моей и даже не моей гитары! Я уверена, что это связано со всеми, кто принимал участие в поисках этой гитары и с необыкновенной силой и энергетикой Мераба! 25 лет, как дружу я с этой гитарой. Для гитары это огромный срок. Они так долго не живут. Это свойство скрипок: чем больше лет скрипке, тем она ценнее. Гитару же надо менять хотя бы лет через десять. Но моя

гитара ведет себя иначе. Она особая. И выражается ее особенность в том, что она живая. Она обижается, когда ее что-то расстраивает, и радуется, когда ее что-то радует. Она с характером. Ее не проведешь. Она чувствует фальшь. Я очень стараюсь. Но не дай Бог, если ей что-то не нравится в моем поведении — наказывает сурово. Перестает звучать — и всё! Отказывается воспроизводить хоть какой-нибудь звук. В такие моменты мне приходится сильно «попотеть» и просить у нее прощения. Сейчас она у меня лечится. Надеюсь, она не потеряет свой звук и не захворает окончательно. В общем, с ней жить не просто.

Я фаталист и знаю, что гитара, побывавшая в руках Мераба, никогда не будет мириться с фальшью.

Мераб в Москве постоянно ходил на мои сольные выступления. По сути, у такого занятого человека, как он, времени всегда должно было быть в обрез. То, что скажу, будет звучать, наверно, парадоксально, но чем больше человек занят, тем больше у него свободного времени остается.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА 1986 ГОД, ТБИЛИСИ

В один прекрасный день раздался звонок в моей тбилисской квартире. На пороге я увидела знакомую фигуру с трубкой в руках. Я так растерялась, увидев Мераба. В это же время в гостях у меня была моя подруга. Начался разговор о литературе, потом о возрождении, потом о писателях — и пошло, поехало... И вдруг, как будто она сорвалась с цепи... начала нападать на Мераба. Язвила, хамила, говорила дерзости. Она была достаточно умна, но что случилось с ней тогда, не понимаю. Будто ее подменили. Я не знала, как вести себя. Ситуация накалялась. Подруга не стихала. Мераб же просто, спокойно покуривая трубку, старался высказывать свое мнение. Время тянулось для меня мучительно долго... Наконец наступила тишина, как после большого боя. Мераб немного выждал и как истинный джентльмен покинул нас. Вскоре ушла и она, но больше мы с ней никогда не встретимся.

После этого случая я несколько раз навещала Мераба. Он жил в двух кварталах от меня, на Базалетской улице, со своей сестрой и мамой.

Несмотря на мои тогдашние старания, мне кажется, что я не была готова взять на себя ответственность — дружить с Мера-

бом. Несмотря на то что меня очень тянуло к нему, к его разговорам, суждениям. Мне было необходимо общаться с ним, хоть я и половины не понимала из того, что он говорил и переживал. А теперь, после того как его не стало, его переживания стали моими переживаниями в меру моих возможностей. Я стараюсь вникнуть в его язык, который, кажется, так прост, но требует сверхчеловеческого усилия. Понимание зависит от готовности человека.

В доме, где теперь живет одна сестра Мераба, Иза, висит мемориальная доска с надписью, что тут жил и творил великий грузинский философ XX века Мераб Мамардашвили.

Человеку до гениальности оставалось только умереть.

1990 год унес сразу три жизни — Мераба, моей тринадцатилетней племянницы Тэоны и моего ближайшего друга и большого художника Ираклия Парджиани.

Хочу свои воспоминания закончить словами Мераба: «Если хотим мыслить, т. е. увидеть реальность, мы должны порвать наше человеческое мерило; чтобы что-то помыслить, мы должны совершить... почти нечеловеческий поступок...»

Если я правильно поняла Мераба, то жизнь есть усилие во времени. А время есть то, чем предмет отличается от самого себя.

Я не теряю надежды, что завтра я пойму больше, чем сегодня, но я не хочу быть в роли Ахиллеса, который хотел обогнать черепаху.